

Связи между творчеством архитектора и счастьем горожан обсуждались на круглом столе в редакции журнала «Проект Байкал». Включает ли профессиональная этика архитектора и урбаниста заботу о «сумме счастья» жителей города? Какие подходы и методы используются архитекторами для того, чтобы увеличить эту сумму? Как мы можем быть уверены, что не увеличиваем сумму счастья одних групп населения, ущемляя при этом право на счастье других групп? Свое мнение высказали как молодые архитекторы, так и опытные мастера.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; градостроительство; профессиональная этика; совместное проектирование; счастье; счастливый город; справедливый город./

The connection between the work of the architect and the citizens' happiness was discussed at a round table in the editorial office of the Project Baikal journal. Does the professional ethics of an architect and an urbanist include concern for the "amount of happiness" of the inhabitants of the city? What approaches and methods are used by architects to increase this amount? How can we be sure that we do not increase the amount of happiness of some groups of the population, while infringing on the "right to happiness" of other groups? Both young architects and experienced masters have expressed their opinion.

Keywords: architecture; urbanism; urban planning; professional ethics; collaborative design; happiness; happy city; fair city.

«Счастьем человеческим...» Дискуссионный клуб ПБ / "With human happiness..." PB Discussion Club

текст

Константин Лидин
Елена Григорьева
Константин Антипин
Валентина Казакова
Роман Малинович
Анастасия Малько
Марк Русанов
Евгения Сурикова
Анастасия Холявко
Николай Жуковский
Татьяна Анненкова
Марина Ткачева

подготовка текста

Марина Ткачева
Евгения Сурикова

фото

Марина Ткачева
Евгения Сурикова /

text

Konstantin Lidin
Elena Grigoryeva
Konstantin Antipin
Valentina Kazakova
Roman Malinovich
Anastasia Malko
Mark Rusanov
Evgeniya Surikova
Anastasia Kholiyavko
Nikolai Zhukovsky
Tatyana Annenkova
Marina Tkacheva

text prepared by
Marina Tkacheva
Evgeniya Surikova

photo

Marina Tkacheva
Evgeniya Surikova

Июньский дискуссионный клуб ПБ был не похож на все предшествующие и, прежде всего, своим составом – молодежным (интересно же узнать, позицию тех, в чьих руках будущее). Для участия в дискуссии были приглашены молодые дипломированные архитекторы и исследователи архитектурных и градостроительных процессов Константин Антипин, Валентина Казакова, Роман Малинович, Анастасия Малько, Марк Русанов, Евгения Сурикова и Анастасия Холявко. С разрешения модератора – Константина Лидина – в разговор вторгались члены редколлегии Татьяна Анненкова, Елена Григорьева, Николай Жуковский и Марина Ткачева.

Мы предложили для обсуждения три группы вопросов и каждую из них снабдили эпиграфами:

1. «А чем вы занимаетесь?» – спросил я.

«Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим»

(Понедельник начинается в субботу,
А. и Б. Стругацкие)

Чем занимается архитектор? Чем занимаетесь конкретно вы? Созвучно ли это идеалистам-шестидесятникам или наступило время прагматиков?

2. «Счастье для всех, и пусть никто не уйдет обиженным»

(Пикник на обочине, А. и Б. Стругацкие)

Возможно ли архитектору/урбанисту обеспечить счастьем всех? Имеет ли смысл стремиться к такому идеальному варианту? Ваш опыт соучаствующего проектирования с реальными жителями кварталов/городов позволяет вам верить в это?

3. «На самом деле окружение так влияет на формирование его личности, что его внутреннее ощущение гармонии всецело зависит от согласия с окружающей средой»
(Строим на века. Кристофер Александер и др.)

Какие свойства городской среды в первую очередь влияют на уровень счастья горожан? Что может сделать горожан счастливыми? Что зависит, а что не зависит от архитектора в этом важнейшем вопросе?

Константин Лидин Первый вопрос: чем занимается архитектор? Шестидесятники нас учили, что архитектор решает высокие задачи и строит светлое будущее. А их так учили их учителя, конструктивисты. Вчера я встречался с одним типичным европейским архитектором. И я пытался его спросить, чем он занимается на работе. Но этот молодой европейский архитектор на работе решает совсем другие задачи – узкие, технические, фрагменты. Он даже не знает, откуда они берутся, потому что это какие-то маленькие кусочки от каких-то маленьких кусочков целого проекта. Если повезет, то со временем ему доверят творческую работу, но случится это не раньше, чем когда ему наступит 50–60 лет. Итак, один архитектор проектирует светлое будущее, другой занимается скучной технической работой.

Вопрос к молодым: какими архитекторами вы себя ощущаете? Чем вы профессионально занимаетесь? Что значит быть архитектором с вашей личной точки зрения?

Валентина Казакова Я буду говорить не только от себя, а от всей своей команды, так как мы вместе работаем, и любой проект – это работа большой команды. Мы на стороне шестидесятников и стараемся двигаться в этом направлении, всегда ставим перед собой сверхзадачи.

На примере работы с малыми городами мы стараемся узнать, какова жизнь, каково настроение людей, среда и бюджет в малых городах. Очень хочется в этих городах все изменить в лучшую сторону: не просто проложить тротуары в рамках проекта благоустройства, а, как врачи, повлиять на здоровье города и на здоровье его жителей, на состояние их души. Чтобы люди иначе стали ощущать и любить свой город, начали укрепляться социальные связи, которые в дальнейшем приведут к развитию города и новым кооперациям. Задач стоит много, и от каждой очень многое зависит. Каждый раз, выполняя свою работу (бывает, что и в ущерб личной жизни), мы стараемся изменить жизнь людей. Мне кажется, профессия архитектора очень важна, и она уж точно не только техническая. В первую очередь – она про идеологию...

ЕГ

Анастасия Холявко У меня будет более технический ответ. Сейчас архитектор – это многоплановый специалист, который выполняет одновременно абсолютно разные задачи. Творчества в нашей профессии остается все меньше, так как мы больше решаем организационные, управленческие, деловые, коммерческие задачи. На мой взгляд, это больше плюс, чем минус, поскольку появляется возможность развиваться в разных областях, и мы можем с любых точек зрения подходить к поэтапному проектированию: как архитекторы, заказчики, предприниматели и жители.

Роман Малинович В настоящий момент область нашей деятельности, в том числе проекты, в которых мы участвуем, затрагивают смысловую часть. Это и проекты благоустройства, и молодежные фестивали, и акции. В первую очередь мы стараемся сделать качественную техническую, графическую историю. В большей части фестивалей и конкурсов участники получают оценку конкретно за смысловое содержание. В рамках проекта по благоустройству очень важно учесть местность, контекст, людей, которые пользуются тем или иным объектом или территорией. Надо сделать так, чтобы в первую очередь было удобно им. Так сложилось на практике, что мы не прорываемся вперед в области передовых технических решений, а стараемся сделать так, чтобы это было максимально удобно и комфортно.

Марк Русанов У меня большой опыт общения с молодыми архитекторами по учебе и в ходе дополнительных профессиональных повышений квалификации. В общении с ними часто слышу, что младшие архитекторы, приходя в компанию, занимаются черчением, оформлением, а творческая деятельность сильно обрубается. Но мне повезло: я попал в организацию, где к молодым специалистам прислушиваются так же, как и к старшим. Конкретно я занимаюсь тем, что стараюсь скрасить путь человека от работы до дома, придумать сюжеты окружающего пространства. В школе к нам приходил писатель Лившиц. Цитируя Серафима Саровского, он сказал фразу, которую я часто вспоминаю: «Чаще смотри на небо, а не под ноги – и будут твои мысли ясные и легкие».

Я стараюсь ее придерживаться: смотрю на фасады зданий, на небо. Архитектор, после врача, – очень важная профессия. Все, что нас окружает, создано архитектором. Я чувствую себя неким идеалистом, который смотрит в будущее и думает о том, как люди будут здесь ходить и через двадцать лет. И как они будут сохранять то, что построено архитектором, но уже без участия архитектора.

Анастасия Малько Так получилось, что для меня архитектура – это исследование. И мне кажется, что очень важно понять город, понять людей, понять, что необходимо городу и его жителям перед тем, как что-то проектировать и предпринимать. Перед архитектором также стоит задача определить конкретные рамки и регламент, чтобы не навредить своими новыми проектами. Потому что город не создавался за один день – любой город имеет свою историю, свои корни. Архитектору необходимо понять, откуда идут эти корни, учесть существующую архитектурную и градостроительную среду, понять, почему здание было построено именно так, что помогает городу развиваться. Все это выстраивается в последовательный анализ. Я долго шла после окончания института к своей позиции через проектные институты, частную практику. И сейчас я работаю в научно-исследовательском проекте в Германии, ориентированном на анализ формирования культуры градостроительства российских городов: Иркутск, Нижнеудинск, Челябинск, Тула. На протяжении градостроительной истории России XIX – XX века были сформированы определенные типы застройки. Чтобы сейчас строить дальше, необходимо понять эту типологию и найти устойчивые пути их развития. Мы пытаемся выявить ценные морфотипы застройки в Иркутске и найти пути развития. При этом самым главным в такой работе остаются люди. И когда архитектор понимает, как устроен город и его корни, тогда он может сформировать новое будущее с учетом сохранения исторических корней для будущих поколений.

КЛ Мы продолжаем сравнивать сегодняшнего архитектора с архитекторами-шестидесятниками. Шестидесятники тоже ставили перед собой такую высокую задачу. Архитектор по-гречески – «главный кормчий». Это

человек, который управляет всем: он и врач, и социолог, и историк, и менеджер – фигура, в деятельности которой разные стороны жизни людей стягиваются в узел. Но у шестидесятников была очень четкая идеология: что нужно людям? Кто такие эти люди? Куда движется общество? У них была твердая основа. К ней, конечно, можно относиться по-разному, но она была. А как сейчас молодые архитекторы определяют: что нужно людям? Что такое здоровье? Что такое хороший город? Для кого он хороший? Если мы работаем для людей, то как мы догадываемся, что именно этим людям от нас нужно?

Константин Антипин Архитекторы-модернисты верили, что существует рецепт всеобщего счастья, и на протяжении всего прошлого века пытались его достичь. Некоторые замыслы провалились, большинство не было реализовано, но сегодня на их опыте мы понимаем, что счастья для всех не бывает – у каждого оно личное.

РМ Проще всего узнать, что необходимо жителям, можно в формате диалога: опросы фокус-групп, частные диалоги с заинтересованными представителями. В формате соучаствующего проектирования чаще всего приходит какая-то одна категория жителей, пользователей, граждан, у которых возникают свои острые вопросы. Поэтому мы не можем получить картинку в полном объеме. Возможна прогулка по проектной территории и общение с гуляющими по территории людьми, которые являются пользователями этого места; у них есть свои запросы и проблемы. Чаще всего после диалога примерно с десятью людьми мы получаем более полноценную картину, так как у каждого второго жителя проблемы совпадают. А вот онлайн анкетирование показывает худшие результаты, так как человек отвечает на вопросы очень быстро, не задумываясь, в отличие от личных встреч и диалогов с жителями.

АМ Диалог – это ключевой и самый главный инструмент, к которому мы прибегаем. В наших проектах мы проводим интервью с разными жителями города – долго живущими на проектной территории и приезжими людьми. Это дает базу для понимания определенных ценностей жителей района и их потребностей: что необходимо, чего не хватает. Иногда интервью происходят с заранее

выбранными людьми, иногда просто с прохожими. Общение, диалог, соучаствующее проектирование проводит в рамках проекта различные акции: круглые столы, образовательные экскурсии – все это делается, чтобы понять, что необходимо людям.

ВК Мы тоже много работаем с жителями и с экспертами разных областей проектных городов. Есть очень много исследований, на которые мы можем ориентироваться, чтобы понимать, что нужно людям в том или ином городе. Это такой пазл из общения с жителями и существующих исследований психологии обитателей: как они себя чувствуют в городе, что им необходимо для счастья. Мы реализовываем проекты и видим, как себя чувствуют люди в разных сценариях и получаем острую реакцию. Из всего этого мы извлекаем огромный опыт для дальнейшего планирования пространств.

МР Чтобы понять того, для кого ты проектируешь, необходимо примерить на себя его жизнь. Для меня важно знать, для кого мы проектируем. Если я спроектирую что-то и это реализуется, пользоваться этим буду не я. Важно отвечать на запросы жителей, чтоб они чувствовали свою причастность к проекту. Очень важно, чтобы жители своими идеями направили архитектора. Либо архитектор должен убедить людей в своей идее для конкретного места. В первом варианте жители поддерживают идею, сохраняют ее на долгий период.

Елена Григорьева Марк, недавно в формате магистерской диссертации ты проектировал хоспис, который всем членам Комиссии очень понравился. В этом проекте был продемонстрирован своеобразный подход, отличный от других магистрантов.

МР Я начал взаимодействовать с главным врачом. В первую очередь мы вместе придумали структурную организацию, которая в качестве сообщества профессионалов и пользователей пространства пояснила очень важные моменты. Поэтому мы опирались не на мои внутренние ощущения и видение, а на необходимые медицинские правила. В основе проекта – теоретическая база: как среда влияет на восстановление человеческого здоровья и как может максимально его поддерживать. И так как проект был связан с реконструкцией, я как че-

ловек, уважающий архитекторов, проектировавших до меня, пытался учесть все интересы. Я не стараюсь свои эфемерные идеи вставить в каждый проект, а больше думаю о тех, кто им будет пользоваться.

ЕГ Мне показалось, что в этом проекте произошло что-то подобное тому, как артист, который собирается играть сложную роль, или журналист – для полного погружения в тему – внедряются в новую для себя профессию, в иную профессиональную среду для понимания сути изнутри, а только потом ее воплощают в роли или статье. Подход Марка значительно отличался от проектов других архитекторов и объясняется это тем, что автор когда-то поработал на самом первом уровне медицинской иерархической лестницы, а уже в процессе проектирования зашел «внутри» объекта с такой непостоянной миссией, и все стороны этого технологического и духовного процесса прочувствовал сам. Таким образом и появился очень достойный результат, который можно было бы продвигать к реализации.

АХ Мы иногда сталкиваемся с тем, что не только мы, архитекторы, но и жители не могут понять, что делать с местом проектирования, у большинства одинаковые запросы: эко-площадки, фонтан, дорожки, фонари. И сейчас в целом появилось много урбанистических территорий, которые сильно похожи друг на друга: одинаковые принципы и подходы, схожая архитектура и благоустройство. И тем самым, проектируя «в тренде», мы часто получаем однотипные проекты. Некоторые принципы благоустройства и такие элементы, как детские и спортивные площадки, например, становятся настолько заезженными, что теряется сама идеология того, каким должно быть современное благоустройство. Посредством диалога с жителями как раз-таки мы получаем труднодоступную ценную информацию, которую используем потом для создания чего-то уникального, чтобы принимаемые проектные решения отличали территории друг от друга. Этим и отличается работа немногих архитекторов. Очень важно слушать мнение горожан и иногда немного отстранять свое «архитектурное эго», чтобы сделать среду живой, чтобы те территории, которые выходят на реализацию, не существовали, а жили после введения ее

в эксплуатацию и развивались за счет инициатив самих жителей.

ВК Сегодня за рубежом и, частично, в России используются методы тактического урбанизма – это тестирование проектных решений при реконструкции улиц, благоустройстве территорий. Нам не всегда хватает времени на тестирование нашей идеи. Несмотря на то, что мы опираемся на историю, на анкетирование жителей, на теорию и свои профессиональные знания, в реальности получается, что территория живет совсем иным образом. Поэтому очень хорошо, когда получается малыми средствами протестировать идеи на практике, посмотреть, как они живут. И уже потом запускать их в жизнь с вложением больших средств. Мы постепенно внедряем эту практику в малых городах, надеясь, что у нас будет больше времени и меньше сжатых сроков. Мы сможем действительно реализовывать проекты, в которых уверены все мы: и жители, и администрация, и архитекторы.

КЛ Мы плавно перешли ко второму вопросу и его эпиграфу: «Счастье для всех, и чтобы никто не ушел обиженным». Критики сочувствующего проектирования часто говорят о том, что любой диалог с жителями ограничивается только теми людьми, которые готовы к диалогу. Но каким образом можно учесть интересы тех, кто к диалогу не готов? Не получится ли так, что этих людей просто отодвинули в сторону и они оказались вне поля зрения? Я несколько раз сталкивался с такими ситуациями в Турции и в Иране, потому что там своеобразная ситуация: когда идут опросы в западном ключе, большая часть людей, живущих традиционным укладом, просто не понимают такой формы общения. Им задают конкретные вопросы и ждут на них конкретные ответы, а с ними никогда в жизни так не общались. В результате получается, что обсуждение с общественностью как бы проходит, но в нем участвует только западно-ориентированная часть населения.

Не получится ли так, что вы прогуливались по улице и беседовали с теми, кто там прогуливается? А кто-то бежал с работы на работу, и побеседовать с ним не удалось, так как у него не нашлось времени. Как вы справляетесь с этим вопросом?

ЕГ То, что архитекторы не могут охватить всех – только часть проблемы. Важно, что у людей кардинально разные представления о том, каким должен быть город и что такое счастье. Верите ли вы в возможность того, что «никто не уйдет обиженным»?

КА В плоскости ли задач архитектора лежит обеспечение людей счастьем? Определенно, да. Но насколько большую роль играет архитектура, определяет ли ее архитектор?

Если попытаться вывести среднее из представлений хотя бы нескольких людей об архитектурном облике счастья, то наверняка получится нечто, не нравящееся ни одному из них. Условный демиург непременно встает перед бесконечной чередой распутий: выбирая тот или иной путь, он, угождая одним, действует наперекор счастью других. Но, даже взявшись за индивидуальное решение задачи обеспечения счастья для каждого, архитектор в результате останется несчастен сам, ведь почти наверняка ему придется действовать против собственных представлений о прекрасном. Выходом из ситуации является существование множества архитекторов, спорящих и конкурирующих друг с другом. Каждый из них стремится к своему идеалу, удовлетворяя при этом потребности разных частей общества.

Обеспечение же этой конкуренции лежит в областях политики и экономики – и неподвластно отдельным архитекторам, поскольку противоречит их амбициям.

КЛ Когда вы принимаете проектное решение, вы всегда принимаете его в чью-то пользу, но и кому-то в ущерб. Если сделать удобно для пенсионеров, будет неудобно детям, и наоборот. Как найти баланс между разными группами населения при том, что часть этих групп избегает вашего внимания и диалогов?

АМ Приведу в пример опыт немецкого города Дрезден. В последние годы исследователи сконцентрированы на разработке стратегии соучаствующего проектирования с привлечением всех возрастных групп. Они разработали методологию, с помощью которой все могут принять участие. Одна из форм онлайн платформы называется «дрезденские дебаты», где можно отвечать на вопросы, высказывать свое мнение, получать ответы; это живая

платформа. Однако далеко не все пользуются интернетом; поэтому существует и другая форма общения, так называемый «пункт общения» (стульчик с лавочками и оборудованием, он устанавливается в том месте, где планируется изменение), с помощью которого проводится опрос. Можно просто оставить свои вопросы и предложения сотрудникам отдела генерального планирования г. Дрездена, а можно записать видеосообщение с предложениями. Учитывая, что не все хотят общаться на улице, а у некоторых людей нет интернета, используется другая форма диалога: рассылка открыток по почте. Предпринимаются попытки найти для всех подходящую формулу. Разрабатывая проект в Иркутске, мы думали о разных возрастных группах, планировали проводить мероприятия и опросы в разное время.

МР Я не верю, что возможно угодить всем. Но мне кажется, что сейчас «место, где ты живешь» – это не только коробка в твоём доме, это среда вокруг дома. Больше количество людей начинает задаваться вопросами: куда сходить погулять, куда отвезти ребенка. Очень сложно угодить всем; возможно, когда-то и будет разработан подходящий механизм. Но существует очень много факторов: менталитет, климат и т. д., которые мешают это сделать. Есть еще проектировщики сомневающиеся, которые постоянно задаются вопросом: «Угодил ли я им?» Вопрос сложный, риторический и даже философский.

КЛ Вопрос практический. Вы верите, что это возможно?

МР Сейчас я верю в то, что кто-то все равно будет обижен, в любом случае.

АХ На мой взгляд, проект просто развалится, если ты начнешь угождать всем подряд. В рамках работы с населением одна из сверхзадач современного архитектора – определение группы активных граждан и ее «раскачивание» в эмоциональном плане, чтобы горожане потом «болели» этим проектом и могли своими действиями и словами втягивать в среду остальных жителей, являющихся резидентами обновляющейся территории, доносить до всех смысл задуманного и совместно наполнять среду событиями, а также следить за сохранностью благоустройства. Таким образом, стартует совместное проектирование, после которого место начинает жить.

БК Мы так и работаем. На самом первом этапе мы обращаемся к городскому активу из разных сфер и начинаем взаимодействовать с ними от интервью до реализации проекта. Очень важно, чтобы мы вместе с ними прошли все этапы и не просто высказали свое мнение, а поучаствовали в проектировании, а также привлекли новых людей. Это цепная реакция: люди начинают вдохновляться и верить в лучшее. Понятие счастья и восприятия действительности для всех разное. Когда у большинства людей на улицах счастливые лица, недовольные окружающим тоже начинают менять свое мнение. Угодить всем сложно, но мы действительно можем работать с людьми, которые помогут нам. Возможно, мы когда-нибудь достигнем удовлетворения стремлений разных людей.

РМ Я выскажусь критично. Сложно быть угодным каждому. На твоё мнение у других может быть контрмнение. В тех проектах, которые мы реализовывали, обязательно был хотя бы один человек, который выступал против проекта, но мы понимаем, что это один человек из ста. Если придавать его мнению особый вес, в каких-то моментах оно может очень сильно повлиять на проект. Такое мнение чаще всего ничем не подкрепляется, кроме эмоций, ничего практического и важного в нём нет. Важно анализировать такие запросы и выбирать более адекватные предложения.

АМ Кроме использования разных форм выстраивания диалога, привлечения внимания жителей, после понимания и сбора всей информации очень важно показать всем участникам результаты. Представить результаты общения с горожанами необходимо именно для того, чтобы было выбрано решение, в котором учитываются все мнения. Часто социальная работа проводится и после проекта в виде коммуникации с жителями. Важна широкая популяризация итогов для общественности: что мы сделали? Что мы поняли? Что мы хотим? Каково ваше мнение? Основываясь на немецком опыте, стоит отметить, что коллеги уделяют особое внимание популяризации результатов: после мероприятий проводится открытая выставка или печатаются буклеты. Происходит широкое информирование общественности. Я верю в то, что возможно угодить всем.

МР Если архитектор попытается угодить всем, то не сможет угодить себе как архитектору.

ЕГ Это важное замечание. Решение-то принимает архитектор. Его личные представления о счастье влияют на результат.

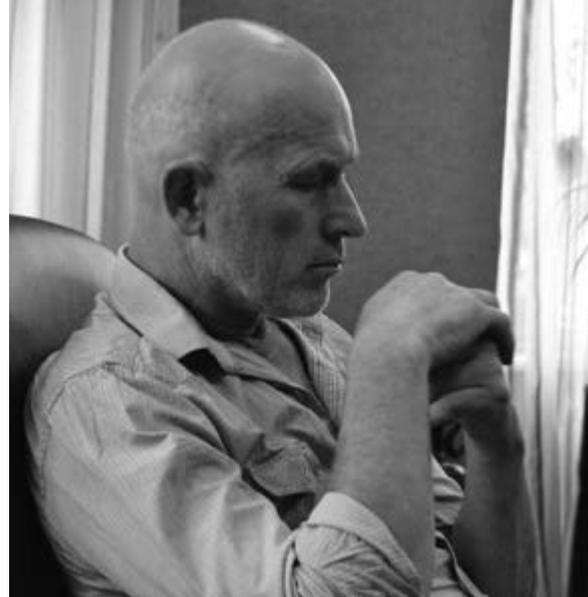
КЛ Если учесть, что ответственность в конечном итоге несет архитектор, то его оставлять обиженным никак нельзя.

Вопрос непростой, особенно если учесть, что недовольных может быть больше – например, группа мигрантов, которые не могут участвовать в обсуждении, так как плохо знают язык; соответственно, они остаются за бортом. Вот мина для дальнейших конфликтов, так как эти люди чувствуют себя обиженными. Это очень опасно для дальнейшего развития территорий.

Мы плавно подошли к следующему вопросу, и ключевое слово в нём – «СЧАСТЬЕ». Чрезвычайно многозначное слово, но никто не станет спорить, что свойства городской среды влияют на уровень счастья людей, которые в эту городскую среду погружены. Как вам кажется, какие свойства городской среды, в которую вы погружены, которую вы проектируете или хотели бы проектировать, важны для того, чтобы как можно больше число людей было как можно более счастливо (что бы это слово ни значило)? Каким образом городская среда делает людей счастливыми?

КА Я испытываю счастье, находясь в архитектурной среде любимого района, а кто-то морщится от одного его упоминания. О чём это может говорить? Лишь о том, что нет универсального рецепта сделать счастливыми всех. И чем дальше идет развитие общества, тем сложнее становятся рецепты достижения счастья для каждого его члена. Сегодня насмотренность людей на порядок выше, чем полвека назад, и потому их запросы удовлетворить тяжелее. В условиях рыночной экономики это, например, стимулирует девелоперов высококлассной недвижимости привлекать известных архитекторов, а массовых застройщиков тратить на качественные материалы и благоустройство.

Поэтому своей честной работой архитектор многожит необходимое для счастья горожан разнообразие,

но при этом повышает планку их требований, и, видимо, отдаляет это счастье куда-то в будущее. Счастье для всех – бесконечный недостижимый предел. Но разве движет человечеством что-то, кроме стремления к нему?

АХ Первое слово, которое мне пришло в голову – это доступность. И я сейчас имею в виду не сколько доступность для маломобильных групп населения, а вообще более широкое понимание этого слова для всех. В одном из наших проектов мы столкнулись с ситуацией: жители не могли пользоваться общественной территорией, потому что она просто закрыта и доступна исключительно для определенной группы лиц. Или некоторые социальные объекты ориентированы на «своих». Таким образом, доступность – один из факторов, от которых зависит счастье горожан: они знают, что могут прийти и воспользоваться определенной территорией или объектом и никто ничего им за это не предъявит.

РМ Второе качество, которое можно назвать – это комфорт. Если человек идет не по грязи и лужам, а по хорошему покрытию (например, по асфальту), то он и чувствует себя комфортно. У многих людей это вызывает счастье. Если говорить о малых городах, где нет никаких тротуаров, в них человек вынужден смотреть только себе под ноги, а не вперед и вдаль. Удовлетворение таких базовых потребностей вызывает счастье независимо от того, в каком городе человек живет.

ВК Я рассматривала доступность с точки зрения связанности пространств города. Хороший город – это тот, где жители тратят меньше времени на дорогу, а больше – на общение с близкими людьми и семьей. Архитекторам важно организовать городское пространство таким образом. Путь должен быть комфортным, на одном уровне, без препятствий для людей с разными физиологическими особенностями. На этом пути ему обязательно должна встречаться природа. Если сделать город зеленым, никто не будет протестовать. Природа успокаивает и пробуждает в нас лучшее. Здесь важно не создавать большие рекреационные пространства, но создавать пространства любого типа и искать любую возможность для включения таких озелененных территорий в городскую ткань. Пусть это будет одно или два дерева, но, встретившись на пути

человека, они дадут тень. В каждом проекте мы говорим про важность системы общественных пространств, которые стимулируют людей к общению, новым знакомствам. Пространства созданы не для всех, так как не все любят общаться; поэтому для каждой группы должен найтись свой уголок: для общительных людей – их единомышленники и новые знакомства, для людей, которые хотят провести время в одиночестве – уединенные пространства. Необходимо угодить всем, исходя из человеческой психологии. Архитектор должен знать психологию, чтобы понимать, что для человека может быть действительно важно и что влияет на его душевное равновесие.

МР Я абсолютно согласен в отношении максимального количества зеленых пространств; в своих проектах я стараюсь это требование максимально учитывать. А что такое счастье – это для меня и философский вопрос, потому что архитектор может подумать о нем по роду службы. А для продавщицы, например, неважно, что находится вокруг нее, для нее; может быть, важно, чтобы ее дети не голодали, и это ее счастье. Я не думаю, что городская среда окажет реальное воздействие на счастье человека. Она может быть комфортной, здоровой, но я считаю, что понятия «счастливая городская среда» нет.

Каждый день архитектора – это «день сурка»: просыпаемся, идем на работу, работаем и поздно возвращаемся домой спать. В какой момент «дня сурка» я ощущаю себя счастливым? Я как архитектор могу внести свое внутреннее счастье в мир, но поймут ли его люди, которые будут пользоваться этим миром – непонятно. Мне хотелось бы, чтобы все люди были счастливыми, но это просто невозможно, учитывая сегодняшнюю ситуацию. Всех счастливыми сделать не получится, как бы это грустно ни звучало.

РМ В наших проектах мы можем учитывать такие вещи, которые у большинства людей вызывают счастье. Например, детский смех, который вызывает теплые чувства и улыбку. Его можно интегрировать в городское пространство необходимым количеством качественных детских площадок. Мне, например, нравятся цветущие деревья – наслаждаясь их ароматом, я чувствую себя счастливым. Счастье складывается из кусочков пазла,

поэтому мы вполне можем сделать людей счастливыми за счет таких инструментов.

АМ Мне тоже первым пришло в голову слов «доступность». Ключевые слова: доступность, красота, обилие зелени. Счастье состоит из мелочей. Создавая такие небольшие пространства, мы как архитекторы не должны помещать все функции в одно пространство; тогда разные возрастные группы начнут друг другу мешать. Возможно выстраивание сценария, цепочки; система взаимосвязей пространств – ключевое качество, которое фактически может сделать нас счастливыми. Если от точки А в точку Б вы постоянно находитесь в системе общественных пространств – весь ваш день наполнен красотой.

Евгения Сурикова Я совершенно согласна с мнением Марка: определение счастья у каждого человека свое. Я как молодая мама столкнулась с темой послеродовой депрессии. Она не зависит ни от чего, кроме установок самого человека, матери. В любом случае не все пространства таковы, какими они должны быть обустроены для маломобильных групп населения: молодая мама буквально с первого шага при выходе из дома сталкивается с препятствиями, которые могут повлиять на ее внутреннее состояние и ощущение счастливой матери. Поэтому все зависит только от ее внутренних установок. Когда это понимание приходит, происходит переосмысление ситуации в целом: поднять коляску на необходимый этаж, пройти или доехать до городского сквера или парка. И я начала замечать, что для меня сейчас самым важным свойством городской среды является качество. Оказалось, некачественная городская среда тормозит мое движение к месту, где мне хочется быть: некачественное покрытие дорог и пешеходных переходов, некачественные посадки зелени, необустроенные подъезды и т. д. Мое счастье зависит от того, как я сама обустроюсь в окружающей среде: если я полностью это окружение счастливыми моментами, то, несмотря на все препятствия, я буду ощущать себя счастливым человеком.

КЛ Я хотел бы задать провокационный вопрос. Мы пришли к общему мнению, что если будет комфортно, эргономично, здорово – то вот оно, счастье.

Но в Софии, например, существует много углов, которые сами люди сделали совсем неэргономичными и нездоровыми: расписали стены дикими граффити, замусорили, там бродят неприкаянные животные... Агрессивная среда. Видно, что сначала был запроектирован другой, более упорядоченный образ, но со временем среда превратилась в опасную для жизни. Но если люди такое допустили, значит, им комфортно в этом жить. Имеют ли они право на такое счастье, или, может быть, их надо перевоспитывать? Что делать с теми людьми, у которых счастье совсем не похоже на то, что мы тут коллективно описали?

АМ Расскажу на примере района в Дрездене. Все, кому нравится такое счастье, там живут. Мудрые архитекторы и планировщики Дрездена прочувствовали идентификацию этого района. Там расписываются новые граффити на фасадах. Отдел территориального планирования наблюдает за этим районом, там существует ряд регламентов; так как район является историческим, внимание уделяется сохранению самой среды, ее аутентичности. На мой взгляд, был найден компромисс, так как историческая среда уживается с молодым поколением и его интересами (музыкальные и танцевальные фестивали, кинотеатры и т. п.). Когда вы приезжаете в Дрезден и хотите пожить в интересной среде, вы перемещаетесь туда. Если вам хочется комфорта, озеленения, хороших детских площадок, то такие районы тоже есть: там живут врачи, учителя и др. Нам как архитекторам, чтобы создать счастье, необходимо выявить для каждого района свою уникальную идентичность; тогда, я думаю, это возможно.

РМ Возможно, для них жить в мусоре – это обыденность, они чувствуют себя счастливыми в других местах, а обыденность для них не несет никакого смысла.

ВК Под такие места специально выделены районы, и было бы неплохо для конкретных групп населения тоже найти определенные места. Они же не просто так хотят напакостить: они хотят самореализоваться, проявить себя, показать свое творчество, нести его в массы. Здесь архитектурно-управленческий вопрос: как спроектировать пространство, чтобы люди могли самореализоваться

тем или иным образом. Люди разные, у каждого свои потребности.

КЛ Настя предложила сегрегацию: расселить людей в разных районах города. Вы видите еще какое-нибудь решение?

ВК Можно не создавать отдельные районы, а выделить конкретные точки в городе, сделать маршрут по этим местам. В каждом районе может возникнуть своя тематика, но не общезначимые объекты: это могут быть объекты технические, где иной смысл не повлияет на среду, архитектуру и не обидит архитектора, а, возможно, преобразит пространство.

АХ Мудрость не только проектировщиков, но и города, городской власти будет заключаться в том, чтобы найти определенный компромисс, достигнув которого, группы начнут уважать друг друга. Из недостатков делать достоинства. Поиск компромисса может стать решением, с помощью которого получится успокоить градус неприязни одних горожан к другим. Я поддерживаю идею выделения мест, а также создание новых пространств для самореализации.

ВК Роман – организатор фестиваля, где люди могут самореализоваться.

РМ С точки зрения законности и легализации творчества провести фестиваль стрит-арта очень тяжело. Со многими мы бьемся очень долгое время, чтобы каким-то образом его согласовать. Чтобы нарисовать какое-либо граффити, необходимо пройти целый ряд инстанций. И даже если жители не против, то администрация будет ставить палки в колеса, и решения отфутболиваются от одной инстанции в другую. Получается, что в творчестве такого рода никто не заинтересован, поэтому будут делать так, как считают нужным; и в этом большое наше упущение. Порой мы сами вправе диктовать какие-то условия, выдвигать четкие позиции и требования, как такие акции могут выглядеть. Приходится придумывать различные способы интеграции нашего творчества в пространстве, в том числе установка легко разбираемых кубов для использования их под стрит-арт. Такие кубы могут простоять до того времени, пока вандалы не разрушат их. Очень часто позиция властей по стрит-арту неуважительная: предлагают разрисовывать мусорные площадки, что принижает творческих людей. Нужно быть реалистами и понимать: как любому архитектору не хочется проектировать просто лавочку со скамейкой за гроши в отдаленном дворе, так и профессионально современному художнику не хочется проектировать подпорки на выезде из города, где никто не ходит. Граффитисты выбирают центральные места и ставят свою подпись – так они заявляют о себе и о том, что они хотели сказать своим искусством. Проще выявлять локальные места, устанавливать правила. Сейчас есть такой пример в Иркутске: «стена свободного творчества» – участок стены гаражного кооператива протяженностью 140 м в Академгородке. Стена была разрисована в первые десять дней, и сейчас старые граффити перекрываются новыми – это для граффитистов своеобразный баттл. Мы сейчас пытаемся в разных частях города сделать такие точки. Подобных примеров, как сделать людей счастливыми, много, необходимо иметь четкую позицию властей по этому вопросу.

МР Возможно, район, про который мы говорили вначале, не нравится только вам, а тем, кто там живет – нравится. Я абсолютно против сегрегации, потому что поколение, которое выбрасывает мусор сейчас, может смениться поколением, которое не выбрасывает его. Как я мог выбрать архитектурную специальность, когда рос в жилом районе, не славившимся высокой архитек-

турой, расположенным между СИЗО и теплотрассами? Я видел только свою школу и пятиэтажки, бегал по гаражам и теплотрассам. И все же понимание того, что я хочу стать архитектором, каким-то образом у меня возникло. Если мы сделаем район, где будут граффити рисовать, это не сработает: ведь граффити – культура протеста. Зачем им рисовать там, где разрешено? Суть граффити – нарисовать на видном месте, чтобы все тебя заметили. Я против сегрегации, так как она относится к моменту «здесь и сейчас», а архитектор думает о будущем. В Америке пытались разделить районы, но потом появились гетто, куда даже полицейские боялись заходить, где район жил своей жизнью. Единственным решением проблемы было расформирование такого района. Зачем нам повторять неудачный опыт? Архитектор явно не тот, кто может повлиять на ситуацию. Он не сможет внушить всем людям: не рисуйте на моем здании; 99% людей послушает, а один нарисует назло. У меня есть мнение: если людям предлагают выбрасывать в их районе мусор из окон и за ними будут убирать, они обидятся, что их назвали свиньями и станут лично каждый у себя в доме сортировать этот мусор. Никто из людей не хочет быть ведомым.

АМ Я хотела уточнить: искусственную сегрегацию я не предлагала. Район, про который я рассказывала, самостоятельно сложился таким образом, так как с конца 1900-го года там уже проживали художники. Мне понравилась идея с системами пространств внутри каждого района – возможно, она сработает для Иркутска. Если говорить о граффити как протесте, я считаю, что есть художники, которые могут придерживаться правил. И на исторических памятниках точно нельзя рисовать – здесь должно сыграть уважение к нашей истории и к нашим историческим корням. На самом деле система разнокачественных и по-разному ориентированных районов достаточно гибкая и хорошо работает. Мне кажется, в Иркутске не хватает подобных творческих мест, тем более, что граффити может жить в любом квартале города.

КЛ Хорошо, а как еще можно совместить принципиально разные представления о счастье горожан? То, что вы предложили – давно известные схемы: сегрегация (этот термин не несет в себе негатива, есть вполне нормальная сегрегация – возрастная, профессиональная, имущественная). Почти в каждом городе Болгарии, например, есть цыганский район – махалла. Он обычно выглядит, как форменная помойка. Но это защитная функция, чтобы к ним не совались посторонние. Пытаться заставить цыган жить по-другому не получится: они просто переедут на другое место и устроят там свою помойку.

Также предложили принцип встроенных сетей, когда районы города с одним образом счастья образуют сеть, а поверх нее накладывается сеть районов с другим образом счастья, и так далее. Можно ли представить себе еще какие-либо принципы?

ЕГ Хороший сказано – про сети, можно еще попробовать про оси. Представим себе территорию, где есть ось общепринятого представления о счастье и комфорте, которая проходит через весь микрорайон, и ось с другим представлением, которая проходит по особым территориям, в которые входят, например, сквоты, гигантские гаражные массивы (как можно разрушить большой гаражный квартал – квартал «мужского мира», сформировавшийся за десятилетия автоклуб? Вот их и амнистировали на государственном уровне). Эта, иногда хулиганская, с иной эстетикой, с вольными граффити ось может в определенном месте пересечься с осью общепринятого счастья, и место пересечения будет представлять особый интерес – место контрастов, компромисса и коммуникации противоположностей.

Очень важно общественные пространства насыщать впечатлениями, благодаря которым каждый может найти свой любимый уголок. Мэр Боготы говорил, что для большого числа малообеспеченных людей единственная замена телевизору – это прогулка по городу.

Николай Жуковский Мир разнообразен, и его надо воспринимать таким, какой он есть – это и есть особенность места. Жить среди помойки – это особенность людей. Покажи пример, попробуй убрать... А если говорить о протестном движении, то его не надо организовывать. Это то же самое, как если бы администрация, против которой протестуют, предлагала отдаленное болото для протестного движения, чтобы не мешать движению транспорта. Это внутренняя неуправляемая потребность. Если говорить о счастье – это комплекс положительных эмоций. Архитектура – это только часть целого, объемно-пространственная; она мала, но существенна. Остальное – это и звуки, и запахи, и невыплата зарплаты на работе, скандалы в семье – все, на что мы не можем повлиять...

Проявление положительных эмоций – это качество и комфорт. Хотя, когда улице Ленина лишили зелени, все увидели, какая за ней скрывалась потрясающая архитектура.

ЕГ Помню, какой была эта улица с деревьями, помню и катастрофическую историю, когда водитель врезался в прохожих. Деревья могли бы спасти, если бы их не срубили.

Еще замечу, что недовольные будут всегда. Есть такая категория вечно недовольных людей: они недовольны, как им мостят улицы, как и когда это мощение меняют. А потом они своими ногами голосуют за благоустроенные пространства. Совершенно очевидно, как столица наша, к примеру, выросла за последние годы в своем благоустройстве, выигрывает в конкуренции между лучшими городами мира. И в столицах регионов, некоторых малых городах очевидны изменения к лучшему.

НЖ Очень интересный вопрос – сочувствующее проектирование. У архитектора должен быть здоровый эгоизм с правильным пониманием желаний разных людей. Мы очень часто становимся буфером между заказчиком и обществом, потому что у каждого свои интересы. Иногда приходится и обманывать заказчиков в пользу общества или своих представлений.

ЕГ В Кодексе Этики архитектора записано: приоритет всегда отдается интересам общества.

НЖ Но деньги платит заказчик. Это у шестидесятников был единый заказчик – общество: в любой момент можно было приостановить финансирование, если делалось не по проекту.

Марина Ткачева Я много десятков лет проводила гуманитарные тренинги, где группа участников совместно решала исторические или придуманные задачи для выработки своей позиции или стратегии поведения. У меня был один принцип: будь готов к тому, что группа пойдет не туда, куда ты ее хочешь повести. В первой части нашего разговора было ощущение, что архитектор готов организовать что-то, но сделать так, чтобы потом его проект мог воспроизводиться и воспроизводиться в прежних формах. Очевидна совершенно другая ситуация: надо, чтобы жизнь обновлялась, и придумывать в архитектуре такие формы, в которых такая постоянная перестройка могла бы существовать.

Татьяна Анненкова Хотела прокомментировать ситуацию Академгородка. Раньше он был достаточно счастливым районом города; это счастье у него отнял новый мост через Ангару. Академгородок превратился в транзитный район. Людям стало некомфортно: магистраль идет

прямо под окнами дома; район начинает захламляться сознательно; идут протестные движения; возникают конфликты по поводу любых вмешательств.

ЕГ Да, дворы были уединенные, с совершенно необыкновенной дендрологией, и там жили все свои, сформировались соседские сообщества. С ростом застройки вокруг и неразумным размещением точек притяжения дворы стали транзитными для транспорта, опасными для детей, неудобными. В Москве от этого защищаются шлагбаумами.

КЛ Что бы вы хотели сказать самое важное по итогу ключевого обсуждения?

АМ Счастье в наших руках – если мы счастливы, сможем всех вокруг сделать счастливыми. Мы должны стремиться сделать себя и окружающих счастливыми: счастье оно и в работе, в друзьях, в исследовании, в общении. Мы должны к этому стремиться. Мы как архитекторы продумываем счастливое пространство, а люди становятся счастливыми, видя эту перемену.

ВК Нужно искать не причины, почему нельзя, а искать возможности и никогда не опускать руки.

МР Мы как архитекторы должны своей философией, выработанной самостоятельно или приобретенной, менять сознание жителей путем создания качественной городской среды. Попробовать с той же самой философией сделать людей счастливыми, захватывая максимальное количество групп и слоев общества. И начинать с себя.

ЕГ Глубоко убеждена, что архитектор может и должен делать людей счастливее, города – гармоничнее. В этом его миссия и состоит – мы можем это сделать, несмотря на все препятствия, которые то и дело неизбежно возникают.

Позвольте под занавес еще цитату из любимого «Понедельника...»: «Весь первый этаж был занят отделом Линейного Счастья. <...> здесь пахло яблоками и хвойными лесами, здесь работали самые хорошенькие девушки и самые славные ребята. <...> Здесь работали на оптимизм. Здесь делали все возможное <...>, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов. Здесь конденсировали и распространяли по всему свету веселый, беззлобный смех; разрабатывали, испытывали и внедряли модели поведений и отношений, укрепляющих дружбу и разрушающих рознь»...

Так сложилось, что в моей мастерской на протяжении всего периода работы, несмотря на обновление состава, складывалась такая атмосфера, где сам процесс работы доставлял счастье. Мы все подпитывались этой энергией и сами становились счастливыми. Только в такой обстановке архитектор может генерировать качественный продукт.